

Гуань Хунцзэ был в недоумении:

— Как дед мог сделать такое!

Гуань Линьюнь нахмурился:

— Он... всегда был очень решительным и жёстким человеком.

Гуань Хунцзэ:

— А что потом?

— Потом, — на лице Гуань Линьюня мелькнула тень непростой ситуации, — Гэ Циньчжоу исчез. Ни одна галерея больше не выставляла его работы, и его картины больше не появлялись на рынке искусства.

Гуань Хунцзэ:

— Почему...

Гуань Линьюнь сказал:

— В девяностых годах индустрия искусства была практически монополизирована семьями Гуань и Бай. Даже выбор лучших художников контролировался семьёй Гуань. На самом деле, решение о том, кто является выдающимся художником, принималось узким кругом людей, что сильно ограничивало развитие искусства. Но тогда семья Гуань думала только о процветании, и ради этого шла на многие крайние меры.

Лицо Гуань Хунцзэ стало мрачным. Он не ожидал, что его предки могли поступить так. Как любитель искусства, он всегда восхищался талантливыми людьми. С детства его учили находить художников, защищать их таланты и раскрывать их потенциал, а не навязывать им направление развития!

Гуань Линьюнь похлопал сына по плечу:

— Не переживай, это был необходимый этап.

Неподалёку Чун Шань бросил взгляд в их сторону, и Гуань Хунцзэ заметил это. На его лице мелькнула быстрая улыбка, и он тут же отвернулся.

Гуань Хунцзэ невольно спросил отца:

— А профессор Чун...

Чун Шань тоже был очень талантливым художником. Он знал, что многие художники имеют свои странности и убеждения, ради которых они отказываются от многих мирских благ. Но он никогда не знал настоящих мыслей Чун Шаня. Они общались только на профессиональные темы, и редко касались других областей.

— Нет, — ответил Гуань Линьюнь. — Чун Шань сделал это добровольно.

Благодаря известности Гэ Циньчжоу, беспокойство присутствующих временно улеглось, и конкурс креативного рисунка завершился успешно. После этого эксперты разъехались по домам.

На следующий день Гуань Хунцзэ вернулся в город В, не договорившись с Фу Тинсином о встрече, и они попрощались. Перед отъездом они обменялись планами на будущее. Фу Тинсинь сказал, что после празднования Нового года в Китае он вернётся в страну А, а Гуань Хунцзэ в августе следующего года тоже уедет учиться в страну А. Они обменялись номерами телефонов и электронными адресами, договорившись поддерживать связь.

На обратном пути Фу Жань спросил Фу Тинсиня, что он вынес из этой поездки.

Фу Тинсинь:

— Познакомился с другом.

Фу Жань:

— А среди картин не было ни одной, которая бы тебя впечатлила?

Фу Тинсинь равнодушно ответил:

— Так себе.

Фу Жань:

— Ты знаешь, почему эти картины получили призы?

Фу Тинсинь:

— Они хорошо нарисованы? А, кстати, о качестве, мне кажется, картина «Зимний день» очень хороша, но она заняла только третье место.

Фу Жань улыбнулся:

— В этом и причина. Тема конкурса — креативность. Раз это конкурс креативного рисунка, то оценивается не техника. Креативность не должна быть нарочитой. Если художник специально пытается придумать что-то необычное, это не соответствует требованиям конкурса.

Фу Тинсинь запутался и спросил напрямую:

— Тогда что считается хорошим?

Фу Жань:

— Возраст участников ограничен от четырнадцати до восемнадцати лет. Если художник может выразить в своей работе мысли, характерные для этого возраста, это и есть хорошая работа. Картина «Сон» как раз попадает в эту тему. В более старшем возрасте уже не получится нарисовать что-то подобное. А та картина «Зимний день», которую ты упомянул, написана с точки зрения взрослого человека, который пытается изучить «креативность». Как бы ни была хороша техника, она не может занять первое место.

Фу Тинсинь задумался, а Фу Жань продолжил:

— Хотя ты рисуешь лучше, чем любой из детей в этом зале, твои мысли ещё не поспевают за твоей техникой. Если бы ты участвовал в этом конкурсе, ты бы, вероятно, занял максимум третье место.

Да, этот ребёнок действительно был самым талантливым в семье Фу за последние десятилетия. У него никогда не было подходящих сверстников или, можно сказать, достойного соперника. Как молодой художник, он находился в окружении людей, которые были старше его на несколько десятков лет, и это почти губительно сказалось на его мышлении.

Фу Жань специально привёл его на эту выставку, надеясь, что он почерпнёт для себя что-то важное.

— Мысли... — пробормотал Фу Тинсинь.

Гуань Линьюнь в тот же вечер улетел в город В по делам. Гуань Хунцзэ, находясь на каникулах, не спешил и решил посетить Академию изящных искусств Хуася перед закатом, а на следующий день прогуляться по городу S перед отъездом.

Чун Шань собирался сопроводить его лично, но получил звонок от Жуй Бэйняня, с которым недавно связывался.

— Профессор Чун, картину, которую я просил вас посмотреть, вы уже изучили? — с тревогой спросил Жуй Бэйнянь, как только связь установилась.

Чун Шань удивился:

— Вы уже отправили её? Я не получал!

Жуй Бэйнянь был шокирован:

— Не получали? Не может быть! Я отправил её больше двух недель назад!

Чун Шань задумался и тут же понял:

— Ах! В последние дни шёл конкурс рисунков, и в приёмную каждый день приходили десятки, если не сотни работ. Я сейчас пойду спрошу, не перепутали ли они что-то.

Жуй Бэйнянь нервно сказал:

— Пожалуйста, сообщите мне, как только узнаете!

Чун Шань повесил трубку, и Гуань Хунцзэ спросил:

— Что случилось?

Чун Шань вздохнул:

— Друг Гуань Эржао попросил меня посмотреть одну картину. Он очень торопится.

Гуань Хунцзэ нахмурился:

— Дядя попросил? Опять он нашёл каких-то сомнительных друзей и создаёт вам проблемы.

Чун Шань:

— Не проблемы, просто небольшая помощь. Я уже обещал, так что сегодня не смогу сопровождать вас по школе.

Гуань Хунцзэ сказал:

— Вы идёте в приёмную? Я всё равно ничем не занят, могу пойти с вами, заодно прогуляюсь.

Чун Шань улыбнулся и повёл Гуань Хунцзэ, рассказывая по пути. Академия изящных искусств Хуася располагалась в бывшем французском квартале города S, и многие здания в кампусе были выполнены в типичном европейском стиле, что придавало им особый шарм.

— В августе уезжаешь за границу? — спросил Чун Шань.

Гуань Хунцзэ:

— Уже в этом году.

Чун Шань рассмеялся:

— Я забыл, что сейчас уже 2000 год... Не жалко оставлять дом?

Гуань Хунцзэ:

— Ничего жалеть не нужно. Всё равно вернусь.

Чун Шань:

— Ты всё такой же спокойный, совсем не похож на шестнадцатилетнего.

Гуань Хунцзэ:

— На прошлой неделе у меня был день рождения, мне уже семнадцать.

Чун Шань:

— ...

Они дошли до приёмной, но там им сказали, что действительно было письмо для профессора Чун Шаня, размером с А4, но сегодня утром все письма из исследовательского центра искусств были отправлены в отдел логистики, где их обрабатывал учитель Ван, отвечающий за утилизацию ненужных работ.

Чун Шань и Гуань Хунцзэ вернулись в выставочный зал, и учитель Ван сказал:

— Ваше письмо? Не слышал о нём. Сяо Чжан сказал, что получил партию просроченных работ и отправил их на утилизацию!

Чун Шань:

— ...

Гуань Хунцзэ спросил:

— Где эти картины?

Учитель Ван ответил:

— Они сложены в коридоре... Эх, этот Сяо Чжан, как он так мог! Профессор Чун, вы потеряли

какое-то важное письмо?

Чун Шань нахмурился, не зная, что сказать. Он слышал, что это была копия, и учителя, которые её просматривали, не нашли ничего особенного, так что потеря не была критичной. Но, учитывая, что его попросили об этом, и он дал слово, такая небрежность была недопустима.

Учитель Ван провёл их в коридор, и Чун Шань увидел грудку картин, сложенных до пояса. Его голова пошла кругом:

— Хунцзэ, может, ты вернёшься в отель...

Но Гуань Хунцзэ уже шёл вдоль стопки, осматривая верхние слои и перебирая их. Большинство участников отправляли работы формата А2, и даже А3 встречались редко, так что конверт А4 должен был быть заметным. Работы привезли только утром, и вряд ли он оказался внизу.

— Вот! — как он и предполагал, конверт формата А4 лежал наверху.

На нём было написано: «Профессору Чун Шаню, Исследовательский центр искусств Академии изящных искусств Хуася». Однако конверт был пуст, и рядом не было никаких листов соответствующего размера!

<http://bllate.org/book/16335/1474829>